

О Т З Ы В

официального оппонента Дружинина Петра Александровича
на диссертацию Костенко Натальи Юрьевны
«Архив О. М. Фрейденберг как социокультурный феномен»,
представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии
по научной специальности 5.10.1 – «Теория и история культуры, искусства»

Диссертация посвящена исследованию архива О. М. Фрейденберг как социокультурного феномена; автор преследует цель представить личный архив не только и не столько в качестве естественно сложившейся совокупности документов, но как специфическую форму культурной памяти, когда самим фондообразователем закладывается основа для механизма сохранения его интеллектуального наследия, притом с предустановленной перспективой культурной коммуникации этого наследия с будущим.

Актуальность исследования определяется всё возрастающим интересом современной науки к механизмам формирования культурной памяти и роли архивов в сохранении исторического опыта. Обращение же к архивному наследию О. М. Фрейденберг, одному из значительных интеллектуальных архивов отечественной гуманитарной культуры XX века, дает диссертанту плодородную почву как для наблюдений, так и для возможных обобщений.

Диссертация основана на беспрецедентном массиве рукописных и опубликованных материалов, прежде всего, на архиве О. М. Фрейденберг. Подкупает глубокая погруженность автора в документальную толщу архива, понимание самых разнообразных исторических, филологических, культурологических проблем, которых этот архивный комплекс касается; впечатление от обширной эрудиции автора лишь усиливается по ходу чтения работы.

Принципиальное же достоинство исследования Н. Ю. Костенко видится нам не столько в привлечении значительного массива архивных материалов, сколько в обоснованности сделанных на их основании выводов, в том числе главного: личный архив ученого является не неким приложением, хотя бы и традиционным и часто неотъемлемым, к его биографии, или же к истории науки вообще, но представляет форму существования истории культуры. Именно это обстоятельство определяет научную значимость исследования.

Обращает внимание то, что Н. Ю. Костенко разворачивает арсенал культурологического исследования не сразу: имея базовое образование историка-архивиста, она умело пользуется усвоенной некогда методологией, поначалу даже может показаться, что избыточно. Однако по ходу чтения работы становится очевидным, что последовательное применение методов источниковедения, архивоведения, интеллектуальной истории и филологического анализа не действуют изолированно, подменяя собой избранную культурологическую перспективу исследования, но призваны помочь в решении основной задачи диссертационного исследования – с максимальной достоверностью охарактеризовать архив О. М. Фрейденберг

как социокультурный феномен и особую форму сохранения культурной памяти.

Коснемся ниже собственно диссертации, позволив себе некоторые комментарии.

Введение демонстрирует хороший уровень владения материалом, который избран для исследования, осведомленность автора в различных вопросах истории и культуры – от истории изучения античности до реалий литературного процесса XX века. Из текста (с. 14) мы видим, что в 1994 году, то есть более тридцати лет назад, диссертантом была написана дипломная работа «Проблемы публикации мемуарного и эпистолярного наследия ученых на примере архива О. М. Фрейденберг» на кафедре археографии РГГУ, а за последующие годы, что опять же можно усмотреть из библиографии (с. 305 – 307, 319 – 320), именно Н. Ю. Костенко стала автором множества публикаций по теме архива и биографии О. М. Фрейденберг. Эти сведения носят описательный характер, тогда как все-таки вклад диссертанта в науку стоило если не акцентировать (что ничуть не выглядело бы похвалой), но по крайней мере обозначить в историографическом обзоре так, как того заслуживает беспристрастная научная оценка, тем более, что в целом историографический обзор, как и научно-справочный аппарат диссертационного исследования, выполнены практически безупречно.

Первая глава – «Жизнеописание О. М. Фрейденберг» – представляет собой фундированную биографию, напоминая даже самостоятельное историко-биографическое исследование о фондообразователе – тому подтверждением и объем, и глубина проработки материала; можно даже подумать, что в контексте темы диссертации это оказывается чрезмерным, отражая сквозящую в тексте увлеченность исследователя личностью О. М. Фрейденберг (и сопутствующие тому риски некритического доверия к ее наследию).

То есть может показаться, что первая глава призвана погрузить читателя в материал, но еще не является собственно началом исследования; однако оказывается, что в действительности этот обширный экскурс призван придать обоснованность магистральной культурологической линии диссертации, которая начинает проводиться уже в первой главе: архив О. М. Фрейденберг возникает не спорадически, а создается сознательно, как инструмент сопротивления историческому забвению; при описании отношений с Б. Л. Пастернаком здесь закладывается основа для важной концепции диссертанта, которая будет представлена в п. 4. 4.

Вторая глава – «Архив О. М. Фрейденберг: история формирования и обзор документов»; в ней обосновывается и необходимость первой главы, поскольку биография человека превращается в биографию архива, а диссертант из биографа О. М. Фрейденберг превращается в исследователя ее архива, причем не в архивиста, а именно в культуролога.

Н. Ю. Костенко принципиально отказывается рассматривать архив как данность, как собрание документов, настаивает на сознательной воле О. М. Фрейденберг, когда именно субъективные критерии отбора служили к

формированию той культурной памяти, которая была задумана фондообразователем. Стоит сказать, что в этой главе, которая представляет собой еще и детальное изучение собственно архива, не всегда ясно показано, насколько принципиальны (необходимы) те архивоведческие сведения, которые изложены в максимальной полноте, для разрешения основной, культурологической проблематики диссертационного исследования.

Одновременно здесь стоило бы задуматься о том, насколько соответствовали или противостояли воле О. М. Фрейденберг те события и обстоятельства, которые произошли после ее смерти и неминуемо отразились на составе архива.

В целом же во второй главе более осознанно, нежели в первой, начинает проявляться замысел Н. Ю. Костенко охарактеризовать архив как результат сознательного культурного действия; именно здесь от историко-биографических и архивоведческих наблюдений диссертант переходит к культурологическим.

Третья глава – «Мемуарно-дневниковый комплекс О. М. Фрейденберг “Пробег жизни” (Записки)» оказывается переломной в диссертационном исследовании. На фоне по-прежнему глубокой источниковедческой проработки автор переходит от внешней истории архива к содержательной, пытаясь исследовать внутреннюю логику культурного текста, и даже реконструировать внутренний мир мемуариста.

В контексте данной главы опять-таки можно задаться вопросом, который уже возникал по мере чтения – насколько методология других дисциплин здесь превалирует: мы видим и источниковедческий анализ, и филологический, но все-таки основная линия автора – культурологическая, поскольку в этой главе представлено именно культурологическое исследование, только базируется оно, для максимальной достоверности выводов, на выдающемся архивном материале.

Диссертант рассматривает «Пробег жизни» не как источник воспоминаний, а как нечто большее: это не просто мемуары, а «мемуары как архив»; так что если в первых двух главах диссертации шло «накопление материала», то в третьей четко проявляется собственно культурологическая концепция автора, и наконец объясняется, каким же образом личный архив становится культурным феноменом.

Четвертая глава – «Архив О. М. Фрейденберг как интенция» кажется нам центральной, концептуальной, наиболее смелой в этом исследовании. Речь уже идет не об истории архива, а о культурном подвиге мемуариста, когда его личный архив превращается в способ обретения истинного культурного бессмертия. Теоретическое культурологическое значение имеет прежде всего параграф «Формирование частного архива: мотивы и целеполагание», положения которого доказываются в следующем за ним параграфом «Концепция архива и истории у О. М. Фрейденберг».

В этих двух обширных разделах представлена центральная часть культурологического исследования, в котором существенную роль играет ориентирование автора в вопросах философии культуры, трактовка того, как

О. М. Фрейденберг воспринимала свои мемуары в контексте истории, и что такое была для нее «история» в принципе.

Иллюстрацией и доказательством того, что О. М. Фрейденберг даже сумела «апробировать» свой метод формирования культурной памяти — посредством комплектования архива — служит третий параграф, в котором рассмотрена судьба документального наследия ее отца, изобретателя М. Ф. Фрейденберга. Этот пример кажется нам обладающим большой доказательной силой: концепция диссертанта обосновывается не путем собственных построений и выводов, а как будто самой же О. М. Фрейденберг; то есть этот параграф нам кажется важным для определения степени достоверности выводов и непосредственно исследования Н. Ю. Костенко.

По нашему мнению, положение диссертации, что архив может быть не только местом хранения документов, а сам становится культурной практикой — этой главой доказываемся. Можно высказать лишь некоторые замечания относительно ряда интерпретаций, или же обратить внимание на излишнюю смелость диссертанта в тех случаях, когда говорится о внутренних, неизреченных мотивах мемуариста.

Завершающий параграф четвертой главы (который бы мог с полным правом стать отдельной главой, и это наверное было бы структурно и концептуально более оправданно) — «Архив О. М. Фрейденберг и роман Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”», в котором диссертант старается доказать их «интенциональное тождество». В этом параграфе — главная дискуссионная, даже отчасти провокативная часть работы. Здесь мы видим сопоставление, которое по сути предстает в качестве попытки доказательства отдельной и весьма смелой гипотезы диссертанта. На богатейшем материале автор представляет два различных способа существования культурной памяти: литературное произведение как традиционная форма, и личный архив — как альтернативная.

Представленная культурологическая гипотеза кажется разработанной, причем она зримо увлекает как самого диссертанта, а за ней неминуемо и читателя. Однако, при соблазнительности такого сопоставления вообще, вполне уместного в культурологическом исследовании, обращает на себя внимание некоторая категоричность выводов; так что, на наш взгляд, изложение бы существенно выиграло, если бы автор добавил в свои частные выводы этой главы больше сослагательности.

Завершается диссертационное исследование Заключение и Списком источников и литературы (422 №№).

В целом автору удалось в своем исследовании выйти за пределы биографического и источниковедческого анализа, показать архив как форму культурной памяти. То есть диссертация свидетельствует об уверенном владении привлеченным для исследования материалом, о способности соединить детальный анализ документов личного архива О. М. Фрейденберг с постановкой более широких теоретических вопросов культурологии, сделав это обоснованно и весьма убедительно.

Отметим еще раз тот факт, что в культурологическом исследовании автор применил большой научный арсенал: и источниковедческий метод, который гарантировал надежность фактической базы, и архивоведческий подход, посредством которого оказалось возможным реконструировать историю формирования архивного комплекса, и филологический анализ, который раскрывает внутреннюю логику текстов... Как выясняется после прочтения диссертации, перед нами нисколько не механическое или же случайное соединение различных приемов, а индивидуальный, характеризующийся методологической новизной исследовательский принцип. То есть Н. Ю. Костенко постепенно переходит от наблюдений к обобщениям, и благодаря культурологическому исследованию объединяет свои навыки в широком спектре историко-филологических дисциплин в целостную и достоверную концепцию архива как формы культурной памяти.

Кроме тех соображений, которые мы высказали выше, у нас при чтении возникло несколько замечаний, размышлений и вопросов, наиболее существенные из которых суть:

1) Н. Ю. Костенко доказала, что архив О. М. Фрейденберг является не только историческим источником, но и культурной практикой создания памяти. При этом культурологическое значение ее вывода для более широкого круга личных архивов лишь намечено. То есть неминуемо у читателя диссертации возникает ряд вопросов относительно того, насколько проблематика личного архива как формы культурной самореализации личности в условиях несвободы, так подробно рассмотренная в диссертации, может (и может ли?) экстраполироваться и на другие исторические личности: В какой мере описанная модель применима за пределами архива О. М. Фрейденберг? Насколько универсальна эта культурологическая концепция?

2) Хотя наш отзыв формально посвящен диссертации, но мы бы хотели коснуться и автореферата, хотя бы в жанре рекомендации. После знакомства с текстом диссертации становится очевидным, что центральная идея Н. Ю. Костенко – рассмотрение личного архива как формы культурного действия и создания исторической памяти – заслуживала бы более ясного отражения в автореферате.

Это, вообще говоря, нечастый прецедент, потому что обычно приходится встречать обратное – убедительный автореферат, концептуальные положения которого не укреплены текстом диссертации. В настоящем же случае, повторимся, текст диссертации и более дискуссионный, и более убедительный, и более интересный культурологически. То есть основной текст в большей мере отражает индивидуальность и смелость авторского подхода, нежели автореферат.

3) При чтении диссертации, как мы указали, становится очевидным подчинение многообразного инструментария, которым владеет Н. Ю. Костенко, культурологическому исследованию – то есть и методы архивоведения, и источниковедения, и филологии выполняют

вспомогательную функцию, тогда как концептуальное ядро составляет проблематика культурной памяти, формирования личного архива как культурной практики, механизмов самопрезентации личности в культуре и так далее – собственно проблематика культурологии. Междисциплинарность же обусловлена не только сложностью, многогранностью самого объекта исследования – личного архива, но и необходимостью придать исследованию высокую степень достоверности.

Однако по какой-то причине автор заранее не объясняет нам, почему эти вспомогательные методы гуманитарных дисциплин оказываются не просто важными, а даже методологически необходимыми в культурологическом исследовании. Можно конечно допустить, и очевидно так оно и есть, что автор считает некоторые методологические вопросы самоочевидными; но в действительности подобные нетривиальные шаги исследователя требуют аргументации. Если бы необходимые объяснения были даны или во Введении, или хотя бы во вступлениях к главам, у читателей не возникало бы в процессе чтения работы, особенно ее начала, вопроса о соответствии диссертации ее специальности, а у автора – появилась бы возможность затронуть в своей работе дискуссионный вопрос о междисциплинарности исследования, о границах дисциплин в рамках культурологии.

4) В связи с предыдущим обратим внимание на то, что и в работе, и в автореферате раздел «Соответствие паспорту специальности 5.10.1» (с. 23, с. 16) содержит перечисление шести пунктов. Диссертация, на наш взгляд, существенно бы выиграла, если бы автором была прослежена внутренняя логика исследования в связи с этими пунктами; то есть, иными словами, диссертант бы показал в этом разделе Заключение то, каким образом движется культурологическое это исследование; а оно, как мы видим по тексту работы, отталкиваясь от личности идет к культурной памяти, уже от культурной памяти переходит к широкой проблематике культурного наследия...

Так что если бы этому было уделено больше внимания, тогда бы автор и сам лучше увидел то, что можно понять при чтении текста диссертации: прежде всего, что его исследование строится вокруг двух опорных пунктов паспорта специальности –

п.18. Культурно-историческая память и культурное наследие. Поскольку фактически вся диссертация этому посвящена, и архив О. М. Фрейденберг рассмотрен как механизм сохранения культурной памяти, притом индивидуальной, и уже эта индивидуальная память становится частью культурного наследия;

п.37. Личность и культура. Именно здесь находится наиболее ценная, теоретически наполненная, новаторская, да и просто увлекательная часть работы: вся четвертая глава диссертации посвящена объяснению того, каким образом личность создает собственное культурное присутствие.

Если бы подобные пояснения были сделаны автором во Введении, то напрашивались бы выводы, которые автор мог легко сделать и поместить в Заключение, однако мы вынуждены их вычитывать и формулировать самостоятельно – что культурологическим центром диссертационного

исследования в результате оказывается не сам архив, а культурная память личности, способом существования которой становится этот архив.

5) На фоне образцовой проработки источников и литературы отметим редкое упущение автора – документ, введенный в научный обиход историком Н. А. Ломагиным. Речь о заявлении О. М. Фрейденберг в Ленинградский горком ВКП(б) от 17 сентября 1942 года. Причем этот документ одновременно уточняет и положения диссертации, изложенные в п. 3.2.2 о блокадных записях; особенно, думается, важен следующий фрагмент:

«Ни на один день, среди лишений и несчастий, я не переставала научно работать для Лен<инградского> Университета. Радио с законной гордостью передавало, что профессор Консерватории Грубер в таких условиях написал историю музыки. Да, это вызывает чувство гордости. Ленинградские ученые продолжают в осажденном городе свою научную работу для советской культуры. Они характеризуются своим умением оставаться на посту в любых условиях. Но и я имею честь быть ленинградским ученым. Я пишу монографию (уже 3 главы написаны) “Проблема античного реализма”, стоящую в плане научных работ кафедры, и записываю, подготавливая к печати, “Лекции по теории фольклора» <...> Мне хочется, пока я жива (а это может ежеминутно пресечься), успеть подвести синтетический итог своему научному опыту, и потому я вынуждена быть настойчивой и торопиться. Что же касается до оборонной работы, то я вела ее с первых дней войны».

(Ломагин Н. А. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. М.: Яуза-каталог, 2017. С. 486 – 488; цитата – с. 487).

Высказанные замечания не затрагивают принципиальных положений исследования и не снижают его научной ценности, не подвергают сомнению его достоверность или обоснованность выводов – то есть диссертация Н. Ю. Костенко «Архив О. М. Фрейденберг как социокультурный феномен» представляет собой самостоятельное, завершенное научное исследование, отличающееся беспрецедентной источниковой базой и новизной. Автору удалось охарактеризовать личный архив как особую форму существования культурной памяти, обладающую самостоятельным культурологическим значением. Диссертация в результате отвечает на вопрос, каким образом личный архив становится способом культурного конструирования памяти.

Полученные результаты имеют теоретическую и практическую значимость и вносят заметный вклад в изучение архивов как объекта культурологического анализа. Отдельные главы исследования (в особенности п. 4. 4 – «Архив О. М. Фрейденберг и роман Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”»), ввиду их высокой научной новизны, должны быть опубликованы.

Главное достоинство диссертации видится нам не столько в привлечении значительного массива архивных материалов, но в том, что автору удалось на их основании достоверно и убедительно показать: архив является не вторичным приложением к истории культуры, а представляет

собой одну из форм ее существования. Именно этот вывод определяет научную значимость и новизну выполненного исследования.

Объектом диссертации Н. Ю. Костенко стал личный архив О. М. Фрейденберг; *предметом* – культурные механизмы формирования и «функционирования» личного архива; *методами* – широкий инструментарий ученого-культуролога, включивший в том числе и архивоведческие, филологические, источниковедческие; *результатом* же стала созданная диссертантом концепция личного архива как формы культурной памяти и самопрезентации личности. Такой аппарат исследования определяет и соответствие его научной специальности 5.10.1 – «Теория и история культуры, искусства».

Все сказанное свидетельствует о том, что диссертация Н. Ю. Костенко «Архив О. М. Фрейденберг как социокультурный феномен» соответствует критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и отвечает требованиям пп. 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в действующей редакции), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – «Теория и история культуры, искусства».

Официальный оппонент:

Дружинин Петр Александрович

доктор филологических наук

(5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»),

кандидат исторических наук

(07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»),

ведущий научный сотрудник Отдела историко-культурных исследований русского языка Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

Контактные данные:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

Почтовый адрес: Москва, 119019, ул. Волхонка д. 18/2

Контактный телефон: 8 (495) 695-26-60

E-mail: ruslang@ruslang.ru

